

Дэнни Уоллес

Шарлотт-стрит

*От автора бестселлера «Всегда говори «Да»»!
Права на издание проданы в 18 стран!*

Дэнни Уоллес Шарлотт-стрит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6995437
Дэнни Уоллес. Шарлотт-стрит: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085003-7
Оригинал: DannyWallace, "Charlotte Street"
Перевод:
Александра Г. Скибина

Аннотация

«Шарлотт-стрит» – новое произведение Дэнни Уоллеса – книга-сенсация, которую назвали «одной из самых ярких книг всех времен»!

Ей посвящен специальный выпуск газеты «London Now».

Пресса предсказывает ей судьбу мирового бестселлера.

С чего же все начинается?

С девушки. С прелестной незнакомки, которой Джейсон, журналист-фрилансер, помог положить багаж в такси на Шарлотт-стрит... и влюбился.

С любовью не шутят, как говорили классики.

Джейсону очевидно – он должен найти эту девушку во что бы то ни стало. Без нее ему просто жизнь не мила.

Но его единственная зацепка – забытый незнакомкой фотоаппарат!..

Содержание

Ранее	5
Глава 1, или Она в меня втрескалась	7
Глава 2, или О некоторых вещах лучше не говорить	16
Глава 3, или Женщина появляется и исчезает	26
Глава 4, или Лондон, удача и любовь	33
Глава 5, или Где бы я ни искал	45
Глава 6, или Небо падает нам на головы	51
Глава 7, или Грядут большие перемены	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дэнни Уоллес Шарлотт-стрит

Посвящается Эллиоту

*Незабвенные будни Лондона,
Полные жизни и любви.
Мир измени за двенадцать щелчков,
Подружку получи из своих счастливых снов.*

«Кикс». «Девушка на фото»

«И, как все хорошее... Она ушла».

Ховис Пресли

Дэнни Уоллес – знаменитый английский писатель, комик и колумнист. Журнал «Bookseller» называет его книги «литературным феноменом», а «Daily Mail» считает «одним из самых остроумных авторов в истории».

В экранизации одного из его романов сыграл Джим Керри, а бешеная популярность его колонки в журнале «Shortlist» принесла ему звание «Лучшего английского колумниста».

Не пропустите! Эта книга заставит вас смеяться и растрогает до слез!

«Cosmopolitan»

Дэнни Уоллес – один из величайших талантов Великобритании!

«GQ»

«Шарлотт-стрит» станет главной книгой года!

«Net-a-Porter»

Ранее

Это случилось во вторник.

Обычно, когда подобное происходит в каком-нибудь фильме, раздаётся характерный хлопок. Но в данный момент ничего такого не случилось. Никакого «бум», «бом» или «щелк». Ну посыпались, конечно, осколки разбитого стекла и ослепила на мгновение вспышка света, как будто по классу пролетел метеор. Не самое хорошее предзнаменование.

И ведь менее всего такое ожидаешь во вторник. В этот день недели у нас история, потом рисование, а вот всяких там спецэффектов в расписании нет. Я вздрогнул, когда увидел его, но, как ни странно, обратил внимание на тонкую серую пелену дождя за окном, за старой выщербленной балюстрадой, и на чахлые деревья с обломанными ветками.

Это было похоже на сон. Знаете, во сне вы иногда видите, что происходит нечто плохое, чего попросту не должно быть, и вдруг ваши ноги становятся ватными и вы не в состоянии, как бы ни старались, двинуться с места, и предостережение, которое вы пытаетесь выкрикнуть, вязнет в тумане и становится слишком размытым и невнятным, чтобы возыметь свое действие.

Было бы лучше, если бы все и вправду оказалось сном.

Кто это? Террорист? Звучит слишком сильно, особенно учитывая, что наше повествование только начинается, но именно террористом он и был. Там, на другой стороне улицы, вероятно, в десяти этажах над землей, сидел он, радуясь первому выстрелу, перезаряжал винтовку, вскидывал ее к плечу, целился...

Да, «террорист» подойдет.

– Так. Встать. Уходим.

Спокойно. Без лишних слов. Быстро.

– Быстро.

Неожиданно я оказываюсь в центре класса. Кажется, здесь от меня будет больше всего пользы. Но что я могу сделать? Поворачиваюсь, обвожу взглядом окна жилого дома напротив. Я вижу его. Он смеется. Его напарник тоже.

– Что? Куда? – спрашивает кто-то – может быть, Ранджит, но скорее всего тот парень, имя которого я не могу вспомнить. Ну а вот все учителя называют его просто «прохвост». Инстинктивно я встал перед ним, демонстрируя готовность защитить его в соответствии со своими служебными обязанностями, полагая, что он поставил себя в опасное положение, задав учителю вопрос.

– В коридор, – спокойно, но уверенно скомандовал я. Это первое, что пришло мне в голову перед лицом угрозы, ощущаемой прямо-таки спиной. Тем не менее я пытался сохранять спокойствие, лихорадочно делая выбор между желанием оказать сопротивление и стремлением сдаться. – Причем по-быстрому.

– Эй, – подал голос кто-то еще, – эй... – Я повернулся к ученикам и увидел на их лицах тот же ужас, что охватил меня. Они, видимо, силились осмыслить происходящее и угадать, что все это им сулит.

– Так, давайте не задерживаться. Анна...

– Сэр...

Дрожащий голос. Страх постепенно распространяется на всех.

– Выходите из класса! – уже не сдерживаясь, прокричал я.

Они повинуются, не веря своим ушам, двигаются быстро, словно пытаюсь опередить новости, уже распространяющиеся по школе. Столь же оперативно прибывают полицейские. Вооруженные, как и человек наверху. Полицейские в машинах, в шлемах, со щитами и с собаками. К детям вернулась уверенность, они начали выглядывать в окна, прижимаясь к

стеклу и раздвигая жалюзи. Они смотрели, как десять вооруженных копов медленно поднимаются по лестнице Альма-Роуз-Хаус, а их коллеги, сдвинув брови, следят за окнами в ожидании того, что атаковавший нас стрелок что-нибудь предпримет.

Дети дружно аплодировали копам, выволакивавшему его наружу... Они все еще хлопали, когда примчался фургон новостного телеканала, обменивались шутливыми замечаниями с полицейскими и приветствовали радостными воплями появление вертолета. И при этом дети не видели того, что видел я.

Я последним вышел из класса – как потом и рассказывал Саре. По дороге она купила упаковку пива и бутылку испанского вина – единственное лекарство, которое она, не будучи врачом, могла мне прописать. Несколько задержавшись из-за этого, она спешила домой, чтобы быть со мной, держать меня за руку, положив голову мне на плечо. Я сообщил ей, что оставался с детьми, которые теперь в полной безопасности, пока Анна Линкольн и Бен Пауэлл бегали в кабинет миссис Аберкромби за помощью, хотя Ранджит уже позвонил по номеру 999 и, возможно, также успел кое-что написать в «Твиттере».

Покидая класс, я еще раз выглянул в окно. Тот, с винтовкой, продолжая усмехаться, снова прицеливался. Никогда я не чувствовал себя столь одиноким. Никогда столь отчетливо не осознавал то, чего хочу и чего хочу от жизни.

Яркая вспышка; метеор снова пронесся в нескольких дюймах от моего лица, отрикошетил от стены где-то за спиной и упал, вертясь волчком и подпрыгивая, на пол. И вот тогда, доктор, меня ранило.

Глава 1, или Она в меня втрескалась

Наверное, стоит начать это повествование со знакомства.

Я знаю, кто вы. Вы человек, читающий эти строки. Не знаю, почему вы это делаете, не представляю, где вы находитесь, но полагаю, мы скоро подружимся. Тем более что вам никогда меня в этом не переубедить.

Немного о себе.

Меня зовут Джейсон Пристли.

Несомненно, вы тут же подумаете: «Боже мой, неужели это тот самый Джейсон Пристли, что родился в 1969 году в Канаде и прославился ролью Брендона Уолша – неустанного поборника морали из известного американского сериала «Беверли-Хиллз 90210»?»

Ваш вопрос, безусловно, вполне правомерен, однако я не могу подтвердить высказанное таким образом предположение. Я другой Джейсон Пристли. Я Джейсон Пристли тридцати двух лет от роду, проживающий на Каледониан-роуд над магазином видеоигр между польским новостным агентством и заведением, имеющим среди многих репутацию борделя, хотя таковое им не является. Я тот Джейсон Пристли, который, после того как его бросила девушка, уволился с работы в проблемной школе в северном Лондоне, чтобы осуществить свою мечту и стать журналистом. И вот теперь я в одиночестве брожу по дешевым ресторанам и посещаю демонстрационные показы плохих фильмов, чтобы писать о них отзывы для газетенок, бесплатно раздаваемых в метро, тех, что все берут, но никто не читает.

Вот такой Джейсон Пристли.

А еще у этого Джейсона Пристли есть проблема.

Понимаете, прямо передо мной – прямо здесь, на этом столе, – лежит маленькая пластиковая коробочка. И эта вещица может изменить мою жизнь. Или по крайней мере сделать ее немного другой.

И сейчас я как раз ощущаю потребность в изменениях.

Я не знаю, что в этой маленькой коробочке, и даже не уверен, узнаю ли когда-нибудь это. Вот в чем проблема. Я мог бы открыть ее и изучить ее содержимое, раз и навсегда выяснив, есть ли в ней какая-нибудь... надежда.

Но если я так и поступлю и окажется, что это действительно вместилище надежды, но не более того? Всего лишь немного надежды. И что, если эта надежда пойдет прахом?

Есть в надежде кое-что вызывающее во мне ненависть, я бы даже сказал – презрение, причем никто не желает признавать, что неожиданно вспыхнувшая надежда способна так же неожиданно ввергнуть человека в совершенно безнадежное состояние.

Тем не менее эта надежда уже зародилась во мне. Каким-то образом она проникла в мою душу, несмотря на то что я ее не звал и не ждал ее прихода. Она здесь, но что ее питает? Ничто, кроме ее взгляда и мимолетного ощущения... чего-то особенного.

Я стоял на углу Шарлотт-стрит, когда это произошло. Было около шести, когда я увидел ее. Вы, как и я, конечно, знаете, что никакая история без девушки не обходится, она просто должна была появиться, куда же без нее. Так вот, девушка сражалась с дверью черного лондонского такси и кучей ручной клади. На ней были синее пальто и модные туфли, а в руках она держала какие-то коробки и пакеты. Как мне показалось, из одного из них, на нем была эмблема сети магазинов «Хэбитет», выглядывал кактус. Я хотел было пройти мимо – собственно, так все обычно и поступают в Лондоне. И я почти прошел... Но в этот момент она чуть не уронила кактус. Все остальные пакеты и коробки тоже были готовы рассыпаться, а потому она наклонилась, чтобы удержать их, и в этот момент сделалась такой милой, маленькой и беззащитной. Правда, тут же она произнесла несколько слов, кои я не

рискнул бы здесь воспроизводить, на случай если эту книгу вознамерится прочитать ваша бабушка.

Я подавил улыбку и взглянул на таксиста, но тот слушал спортивную передачу по радио, курил и явно не собирался ничего предпринимать. И я – сам не знаю почему, это в Лондоне-то – спросил, могу ли я ей чем-то помочь.

Она улыбнулась мне. Это была действительно обворожительная улыбка. Неожиданно я ощутил себя необыкновенно мужественным и уверенным в себе, как мастер, уяснивший наконец, какой именно гвоздь нужно купить, и вот я держу ее пакеты и коробки, и она забрасывает в такси новые, возникающие, кажется, из ниоткуда, приговаривая при этом:

– Спасибо, это так мило с вашей стороны.

Этот момент. Взгляд, мимолетное ощущение чего-то особенного... Ну того, о чем я говорил раньше. Мне показалось, будто это начало. Но таксист нетерпеливо ерзал на своем месте, вечер был прохладным, а истинно английское воспитание, думаю, помешало нам сказать что-нибудь еще. Так что она всего лишь повторила:

– Спасибо, – и улыбнулась.

Она закрыла дверь, а я провожал такси взглядом, пока оно не растворилось в городской суе, волоча за собой на буксире мою надежду.

И тут, когда мне показалось, что все закончилось, я опустил глаза.

Кое-что осталось у меня в руках.

Маленькая пластмассовая коробочка.

Я прочитал надпись на ней: «Одноразовая камера – 35 мм».

Я хотел закричать вслед такси, поднять камеру в воздух, чтобы она обратила внимание на пропажу. За секунду в моей голове пронеслась вереница мыслей: может быть, она вернется, я предложу ей кофе, а потом, когда она скажет, что на самом деле ей сейчас не помешал бы хороший бокал вина, я соглашусь, мы возьмем целую бутылку, так как это более разумно с экономической точки зрения, потом мы решим, что нам не стоило пить на голодный желудок, ну а уже после всего этого мы оба бросим свою работу, купим катер и заведем маленькую ферму.

Но ничего не произошло.

Не было ни визга тормозов, ни скрипа шин по асфальту, ни огней дающего задний ход такси и тем более ни бегущей улыбающейся девушки в синем пальто и модных туфлях.

Такси остановилось, но из него выбрался и направился к банкомату какой-то толстяк.

Теперь понимаете, что я имел в виду, когда говорил о надежде?

* * *

– Итак, прежде чем продолжить, – произнес Дэв, держа в руках картридж и очень осторожно постукивая по нему пальцем, – давай поговорим о названии. «Оборотень», по-моему, вполне подходит.

Я смотрел на него, как мне кажется, с весьма озадаченным выражением. Однако не думаю, что за все те годы, что мы знакомы, он часто видел у меня другое выражение лица. Думаю, он уверен, что я всегда так выгляжу с момента поступления в университет.

– Эта игра сочетает в себе не только мистическую составляющую, но и загадку, ведь в ней смешаны римская культура и греческая мифология. – Я повернулся к Павлу, выглядевшему слегка шокированным.

– Перейдем к звуковым эффектам, – продолжил Дэв, нажимая кнопку на своем брелке. Послышался металлический звук, в котором при желании можно было разобрать: «Восстань из мертвых!»

Я поднял руку.

– Да, Джейс, что ты хочешь спросить?

– Зачем тебе такой брелок? Дэв театрально вздохнул:

– О, Джейсон, я тут пытаюсь рассказать Павлу о начальном уровне игр типа «Сегга», тех, что были разработаны в конце восьмидесятых – начале девяностых. Мне, конечно, очень жаль, что мы не обсуждаем твоих любимых американских музыкантов – Холла и Оутса, – но Павел пришел сюда не за этим. Верно, Павел?

Тот только улыбнулся.

Павел постоянно улыбается, когда заходит в магазинчик. Обычно он появлялся затем, чтобы взискать с Дэва деньги за ленчи. Иногда я наблюдал за выражением его лица, пока он бродил вдоль стен, вглядываясь в выцветшие «Соника-2» или «Аутран», рассматривая давно использованные картриджи и потрепанные журналы, вглядываясь в обзоры старых платформеров и стрелялок, которые сейчас выглядели так, будто их графику разрабатывали маленькие дети. Иногда Дэв одалживал ему приставку и картридж с «Синоби». По всей видимости, в середине восьмидесятых в Восточной Европе было не слишком много приставок, и еще меньше настоящих ниндзя. Мы не давали ему «Иксбокс» – Дэв считал, что от такой графики у него выпадут глаза.

– В любом случае само название магазина «Есть контакт!» обязано своим происхождением...

Тут я понял, чего добивается Дэв: чтобы Павлу стало скучно в магазине и он ушел. Пытается превратить разговор в монолог, как это обычно делают люди с большим багажом ненужных знаний, перемежаяющие свою речь фразами вроде «Неужели ты этого не знал?» или «Ты, конечно, в курсе...», дабы показать свое превосходство, помешать ему вставить хоть слово и в итоге выиграть.

У него, как всегда, недостаточно денег, чтобы заплатить за обед.

– Сколько он тебе должен, Павел? – спросил я, роюсь в кармане в поисках пятерки.

Дэв лишь едва заметно улыбнулся.

И все-таки я люблю Лондон.

Я люблю все в этом городе. Люблю его дворцы, музеи и галереи, разумеется. Но кроме этого, я люблю его грязь, сырость и смрад. Ну хорошо, не то чтобы прямо-таки люблю, но не имею ничего против. Больше не имею. Я привык. Люди обычно так относятся к тому, к чему привыкли. Меня даже почти не возмущают граффити, периодически появляющиеся на входной двери через неделю после того, как вы ее покрасили, и банки из-под сидра, которые приходится убирать, чтобы сесть и устроить небольшой пикник на лоне грязи и сырости. Собственно, ничего во мне не восстает и против постоянно сменяющихся друг друга сетей фаст-фуда – от «Абракебабры» через «Пиццу в действии» к «Риалли фрайд чикен» – на улице, несмотря на меняющиеся трижды в неделю вывески, всегда имеющие один и тот же вид. Безвкусица здесь может выглядеть уютной. Это тот Лондон, который я вижу каждый день. Туристы же видят Дорчестер, «Хэрродс» и актеров в медвежьих шапках на Карнаби-стрит. Их внимания крайне редко удостоивается продуктовый магазинчик на Майл-энд-роуд или сомнительного рода дискотека в Пэкаме. Они идут к Букингемскому дворцу и смотрят на развевающийся над ним красно-бело-синий «Юнион Джек», в то время как мы заказываем что-нибудь из «Тандори палас» и слушаем всякую попсу.

Но нам следует гордиться и этим.

Или по крайней мере привыкнуть к этому.

На Каледониан-роуд можно найти маленькую Польшу, а в Стоквелле обосновалась Португалия, тогда как Харингей заполонила Турция. С тех пор как здесь появились эти магазины, Дэв использовал свой обеденный перерыв на ознакомление с новыми для него культурами. Так же он вел себя и во время учебы в университете, ну и в конце концов в лучшем ночном клубе Лестера «Бум-бум» судьбы свела его с девушкой из Боливии. Я изучал

английскую филологию, а Дэв как минимум на месяц переключился на боливийскую. Каждый вечер он подключался к Интернету, минут по десять ждал загрузки каждой страницы, а потом распечатывал и зубрил испанские фразы в надежде снова повстречаться с ней. Чего, впрочем, не случилось.

– Судьба! – восклицал он. – Ах, эта судьба!

Теперь он увлекся Польшей. Он объедается плавленым сыром «Сажинска», объявляя его лучшим сыром, который он когда-либо ел, несмотря на то что это упакованное в маленькие пакетики изделие на вкус совершенно неотлично от родного «Дейрили». Он покупает крокеты, крупник и еще какой-то сырок, поверхность которого усеяна ярко-розовыми кусочками неестественно розовой ветчины. Однажды он прикупил свекольный салат, но не смог его есть. Кроме того, в конце рабочего дня он предпринимает все усилия, чтобы оказавшиеся в магазине покупатели увидели его с парой «пацек» и бокалом «Ежиновки». Он изо всех сил старается, чтобы его заметили, и когда его спрашивают, что это такое странное он ест и пьет, он отвечает с видом бывалого космополита что-нибудь вроде: «О, вы никогда не пробовали «пацки»? Они потрясающие».

Но на самом деле он и не думает притворяться. У него доброе сердце, и, полагаю, он считает, что таким образом проявляет радушие и делится полезной информацией. Видимо, этот вид туризма для самых ленивых. Во всяком случае, больше никто из моих знакомых не сидит на одном месте, играя в компьютерные игры в ожидании, что дальние страны сами будут приходить к нему с каждой волной тех, кого Дэв называет новенькими. Ему действительно хочется познать мир, но он считает, что лучше всего делать это, глаза в окно магазина.

Люди отовсюду приходят сюда за покупками. Они хотят вспомнить молодость, пополнить коллекцию или найти игру, когда-то особенно увлекавшую их. У Дэва есть и новинки, но это не то, за чем к нему приходят. Те, кто часто навещает его, скорее всего понимают, почему магазин называется именно так. Через пару секунд Дэв, как правило, заговаривает о Макото Учиде, и этого обычно хватает, чтобы покупатель уверился в его превосходстве и ретировался из магазина, может, купив в лучшем случае какую-нибудь старую игру за два фунта. Но и это не всегда.

У Дэва почти никто не покупает, но этого «почти» ему, по всей видимости, хватает на жизнь.

Его отец – владелец нескольких ресторанов на Брик-лейн, он оплачивает аренду и содержание магазина, а доход, каким бы маленьким он ни был, позволяет Дэву питаться испещренными ветчиной польскими сырками. К тому же он добр ко мне, так что я не могу его осуждать. Я потерял девушку и квартиру, но получил взамен хорошего соседа и избавление от арендной платы в обмен на редкую помощь за прилавком по вечерам и недельный запас крокетов.

Кстати...

– Да, у нас есть «Зубр» и «Живец» – выбирай! – объявил Дэв, показывая мне бутылки.

Сомневаясь, что смогу произнести вслед за ним хоть что-то из этого, я показал на ту бутылку, в названии которой было меньше букв.

– А еще мне кажется, что у меня где-то было немного «Леча».

Он произнес «Леч» и усмехнулся. Он знает, что это произносится «Лех», он даже спрашивал об этом Павла, но продолжает говорить «Леч», потому что так он может все легко обратить в шутку.

– «Зубр» подойдет, – с трудом выговариваю я. Дэв открывает бутылку и протягивает ее мне.

В зеркале за его спиной я замечаю свое отражение.

Вид у меня усталый.

Знаете, иногда я смотрю на себя и думаю: «Вот так?» А потом сам себе отвечаю: «Да, именно так. Лучше выглядеть ты уже не будешь. А завтра ты будешь выглядеть немного хуже, и так до конца твоих дней. Тебе стоило бы перейти на какие-нибудь витамины».

У меня стрижка как у мужчины за тридцать. До недавнего времени я носил стильные рубашки с ироничными надписями, но в конце концов понял, что настоящая ирония заключалась в том, что они придавали мне далеко не стильный вид. Мне слишком много лет, чтобы экспериментировать с прическами, но слишком мало, чтобы окончательно определиться, с какой именно стрижкой меня похоронят. Вы прекрасно понимаете, о чем это я, – все так завершают свой путь, если у них остается хоть немного волос. Унылая, прилизанная прическа. Она украшает голову каждого из мужчин в слишком просторных рубашках, сидящих за завтраком в ресторане курортного отеля в окружении неприятного вида детей и печально-злой жены, всю жизнь потративших на то, чтобы растоптать его амбиции, расплющив их до состояния его прически.

Я не хочу сказать, что чем-то лучше их или что у меня какие-то особенно возвышенные устремления. Я ничем не примечательный человек без своего стиля – таких, как я, миллионы. При этом я нахожусь в крайне неприятных годах между «и тридцати нет» и «за сорок». Я думаю, этот период разумно назвать «где-то за тридцать». Иногда я задумываюсь, что будет написано под моей фотографией в «Вэнити фэр», которая появится там, когда я напишу для них что-то вроде редакционной статьи и они решат сделать меня звездой.

Прическа сотворена Анджелой из парикмахерской «Тони энд Гай» у метро «Эйнджел». Пальцы у нее пахнут табаком, и она упрямо говорит «спаршивать» вместо «спрашивать».

Парфюм от «Линкс Африка» (мужской) – два фунта семьдесят шесть пенсов, супер-маркет «Теско-Метро», Чаринг-Кросс.

Часики «Свотч» – спонтанная покупка в аэропорту Женевы – наш рейс задержали на три часа, а шоколадку я уже купил.

Одежда – демонстрационный экземпляр (приобретен с 10-процентной скидкой благодаря ВИП-карте сети магазинов «Топмэн», доступной бесплатно для кого угодно).

Но я и сам не так уж и плох: некая испанская модель, с которой я познакомился в испанском же баре на Хенуэй-стрит и даже пригласил ее на своего рода свидание, заметила, что я выглядел «очень по-английски». Я отнес это на счет того, что, видимо, действительно похож на Эррола Флинна. Позже, однако, выяснилось, что он на самом деле австралиец.

– Что за день, – проговорил Дэв вздыхая – пожалуй, слишком тяжело для человека, день которого вряд ли был так уж полон событиями. – А ты? Чем занимался?

– Так, ничем, – ответил я машинально.

День не задался с самого утра. Молоко скисло, чего и следовало ожидать, почтальон стучал и гремел почтовым ящиком, но худшее произошло, когда я, полный дурных предчувствий, включил компьютер, зашел на «Фейсбук» и, хотя было ясно, что рано или поздно подобное должно произойти, прочитал эти злополучные слова.

...Проводит лучший отпуск в жизни.

Пять слов.

Новый статус.

А рядом имя – Сара, и оно само по себе достойно того, чтобы по нему щелкнули мышкой.

Так я и поступил. И вот она. В лучшем в ее жизни отпуске.

«Остановись, – подумал я. – Все, хватит. Встань, прими душ».

Она в Андорре. С Гэри. В лучшем в ее чертовой жизни отпуске. Я захлопнул крышку ноутбука.

Неужели ей все равно, что я это увижу? Неужели она не понимает, что эта фраза тут же оказалась у меня на экране? И у меня в сердце. И эти снимки... Они сделаны под тем же углом, под которым я всегда смотрел на нее, с той же позиции. Но на этот раз по другую сторону фотоаппарата был не я. Это не я пытался сохранить мгновения, проведенные вместе. Это не мои воспоминания. Так что мне они не нужны. Я не хочу видеть ее в платье без рукавов, загорелой и счастливой. Я не хочу видеть, как она сидит за столом и, смеясь, смотрит на фотографа, а ее глаза светятся радостью и любовью. Я не хочу выискивать и запоминать крошечные, не имеющие никакого значения детали. На столе пицца «Маргарита», ее выющиеся волосы выгорели на солнце, она больше не носит цепочку, подаренную мною. Я не хочу... Но я снова открыл ноутбук и уставился на страницу, запоминая все до малейших деталей. Я ничего не мог с собой поделаться. Сара была «в лучшем в своей жизни отпуске», а я... Кстати, а что я? Я посмотрел на свою последнюю запись.

Джейсон Пристли... Ест суп.

Господи. Ну и улов. Эй, Сара, я понимаю, что это лучший отпуск в твоей жизни и все такое, но давай не будем забывать, что вот только в прошлую среду я ел суп. Почему бы мне попросту не удалить ее из друзей? Почему не избавиться от этой переменной? Не сделать Интернет вновь безопасным для себя? По той же причине, по которой я до сих пор ношу ее фото в бумажнике. Фото, сделанное в ее первый день на работе, – в основном огромные голубые глаза и сумочка от Луиса Вуттона. Мне не хватило сил порвать или выкинуть снимок. Это было бы так... окончательно. Как будто я сдался или что-то в этом роде. Но это еще не все: в душе я уверен, что рано или поздно она сама удалит меня из друзей. И вот тогда-то совершенно точно все закончится, и не по моей воле, и тогда я... Где-то в глубине души я надеялась, что она этого не сделает, и, возможно, в этой ее сумочке, доверху набитой косметикой и салфетками, может быть, лежит мое фото... Ага, вот она, надежда. Опять...

Но однажды эта надежда неизбежно изживет себя и я окажусь забыт. Вероятно, это случится как раз перед тем, как они с Гэри решат жить вместе, или надумают жениться, или им придет в голову, что на свет должен появиться еще один крошечный Гэри, и чертова копия оригинала.

Скорее всего я буду сидеть здесь в одиночестве, когда она наконец решит удалить меня из друзей. Здесь, в этой серой комнате, на кровати, застеленной покрывалом с плюшевыми мишками. В комнате над магазином видеоигр, по соседству с заведением, всеми почему-то принимаемым за бордель. Я буду сидеть здесь, уставившись в экран, разясняющий мне, что я не могу больше жить ее жизнью, а она сама больше не считает меня достойным видеть ее фотографии, знать, кто ее друзья и когда она бывает с похмелья, хочет спать или опаздывает на работу. И вообще, что ей больше совсем неинтересно знать, когда я ем суп.

Моя жизнь.

Будет стерта.

Жалкое зрелище.

И все-таки. Все могло бы быть хуже.

У нас мог бы закончиться «Зубр».

Через час он все равно закончится.

Дэв предложил пойти в «Берлогу» – крошечный ирландский паб рядом с «Прокатом инструментов», на полдороге от нас к Кингс-Кросс. Я согласился: почему бы и нет. Может быть, я тоже проведу время, как никогда в жизни. Заранее ничего нельзя знать.

– Слушай, – пренебрежительно взмахнул рукой Дэв, – в любом случае в этой Андорре нечего делать. Что там хорошего?

Слушая «Погс», мы постепенно напивались.

– Пейзажи. Беспощадная торговля. Тот факт, что там два главы государства: король Франции и испанский епископ.

– Ты вычитал это в Википедии, да?

Я кивнул.

– Ты уверен, что во Франции есть король?

– Значит, президент, не помню. Но я точно знаю, что там можно провести лучший отпуск в жизни. Особенно если поехать туда с парнем по имени Гэри, перед тем как обзавестись выводком маленьких Гэри – выглядящих как крохотные, бандитского вида младенцы. А потом можно купить лодку и ферму.

– Ты сейчас о чем? – поинтересовался Дэв.

– О Саре.

– Она уже успела обзавестись крошечными, бандитского вида младенцами?

– Возможно, – пробормотал я, – возможно, как раз в этот момент из нее выскочил очередной. Эти ее бандитского вида младенцы захватят мир, их будет становиться все больше и больше, как в том фильме, «Арахнофобия». Они будут вцепляться людям в лица и бить их по голове крохотными кулачками.

Дэв озадаченно задумался над моим мудрым пророчеством.

– Раньше ты таким не был, – выговорил он наконец. – Куда ты делся? Кто этот брюзгливый дядька?

– Это я. Я мистер Брюзга. На прошлой неделе я позвонил домой, и мама сказала: «Почему ты никогда не заезжаешь домой, в Дарем?»

– Так почему ты никогда не едешь в Дарем?

– Потому что это напоминание. О том, что я не справился. Я должен разобраться с Лондоном, прежде чем смогу вернуться. В любом случае у Сары нет этой проблемы. У нее скоро будут крошечные, бандитского вида младенцы.

– Не думаю, что они будут бандитского вида. Гэри ведь вроде бы занимается инвестициями?

– Это еще не значит, что от него не может родиться бандитского вида младенец, – резонно заметил я, рассекая ладонью воздух, с видом, не допускающим возражений. – Ведь он именно такой человек, способный породить маленького младенца бандитского вида. Ну, знаешь, такого, с безволосой головой. Постоянно кричащего.

– Но это просто младенец, – неуверенно возразил Дэв.

– Не важно. Главное, не кормить их после полуночи.

Повисла короткая пауза. Заиграли мою любимую «Снова в черном» – лучшую рок-композицию своего времени. У меня тут же поднялось настроение.

– Может, еще по одной кружке? – предложил я. – «Зубр» или «Зиборг».

Вместо ответа Дэв очень серьезно посмотрел на меня.

– Ты должен удалить ее из друзей. Просто взять и удалить. Покончить с этим. Отделаться от мистера Брюзги, потому что он вот-вот превратится в полного урода. Я не специалист, но, думаю, именно это сказали бы в утренней программе, если бы ты решил туда позвонить и поговорить с одной из тех теток, что с ходу решают чужие проблемы.

– Знаю, – печально ответил я кивнув.

– В них две тысячи калорий! – объявил Дэв. – Две тысячи! Я прочитал это в газете!

– В моей газете, – уточнил я.

После нескольких пинт в «Берлоге» мы пришли к выводу, что получили то, зачем пришли, и по дороге домой решили зайти к Озу и съесть по кебабу.

– Это я показал тебе статью и сказал: «Посмотри! Здесь пишут, что в одном кебабе две тысячи калорий!»

– Как бы то ни было, от них есть своя польза.

– Какая от них может быть польза?

– Они отложатся в виде жира у тебя в области живота, и ты будешь лучше подготовлен к апокалипсису, когда тот наконец грянет. Мы сумеем продержаться дольше остальных. Толстые брюхом унаследуют Землю.

Дэв попытался тихонько издать боевой клич, но подавился острым соусом и закашлялся. У него пунктик на том, что касается апокалипсиса, – осложнение после долгих лет, проведенных за играми, полными скитаний по постапокалиптическим пейзажам, поиска ценных вещей и битв с гигантскими жуками. Он считает, что эти игры дают ему «необходимый жизненный опыт».

В данный же момент он испытывал затруднения с тем, чтобы попасть ключом в замочную скважину. Тут уж не до выживания в постапокалиптическом мире. Очки тоже мешают, но они важны для Дэва. Его IQ где-то в районе ста сорока шести, причем это мнение не только психиатра, к которому родители водили его в четыре года, но и результат какого-то телевизионного теста. Спяну я горжусь интеллектом Дэва, но я бы никогда не подумал, что он хотя бы приближается к упомянутому показателю. Он четыре раза подавал заявку на участие в шоу «Ученик», но почему-то этот владелец маленького магазинчика подержанных видеоигр на Каледониан-роуд пока не получил положительного ответа. Я мог бы посмеяться, если бы не знал, что это разбило Дэву сердце.

Можно с легкостью утверждать, что Дэв не изменился со своих четырнадцати лет. Его интересы, его манера общения с девушками, даже его внешность остались такими же. Понимаете, когда ему было четырнадцать, умер его дедушка. Как потом стало ясно, смерть эта оказала огромное влияние на всю дальнейшую жизнь Дэва. Не потому, что он воспринял это как большое горе, хотя, конечно, не без этого. Дело в том, что отец Дэва не любил попусту тратить деньги. За год до этого Дэв начал замечать, что отличается от сверстников в некоторых мелочах. Так, он не мог прочитать указатель, не мог определить время по часам, периодически с громким стуком выпадал из кровати. А все потому, что был близоруким.

Его отец – деловой человек. Он подумал, зачем платить за оправу, когда можно бесплатно использовать уже имевшуюся.

Так что Дэв получил оправу от очков дедушки. Да, в наследство от дедушки.

Буквально через три дня после похорон. Разумеется, с новыми линзами, но их вставил приятель отца, державший мастерскую на Уайтчепел-роуд, и сделаны они были, судя по царапинам, из дешевого пластика. Следующие четыре года над ним смеялись все и каждый. Мальчишеское лицо в сочетании со стариковской оправой делало его похожим на маленького ребенка, стащившего солнечные очки у матери. Дэв попытался отрастить усы, чтобы выглядеть старше, но только стал похож на военного диктатора в миниатюре.

Несмотря на это, он так и не купил себе новые очки. Зачем? Он нашел свой стиль. И теперь этот стиль работал на него. В университете, во всяком случае, первое время, его считали странным. Он и без того выглядел не слишком банально, а в этой толстой черной оправе – и подавно. Но на первом курсе очки были для него памятью о доме, на втором – эксцентричной деталью имиджа, а на третьем, как он надеялся, – приманкой для девушек.

(Он ошибался.)

Но потом, в сочетании с волосами, которые он не удосуживался подстричь, и футболками, которые он либо получал бесплатно, либо покупал на распродажах за фунт и пенни, эти очки придавали ему уверенный вид. Они придавали ему вид...

Ну да, именно так: они придавали ему вид Дэва.

Иностранки не могли его толком понять, но им нравились его яркие куртки; в общем, они думали, что парень выглядит круто.

– Ага! – Наконец-то справившись с дверью, он ударил кулаком по перилам лестницы. – Я знаю, что поднимет тебе настроение!

Войдя в квартиру, Дэв бросил свой кебаб на стол и направился на кухню, где принялся шумно копаться в шкафу. Я пошел к себе, включил ноутбук и с некоторым усилием придал лицу решительное выражение.

Может быть, мне действительно давно надо было это сделать: удалить ее из круга друзей, покончить с этим и двигаться дальше. Забыть о прошлом. Вести себя по-взрослому. Это не потребовало бы особых усилий. Тогда смог бы включать компьютер, не чувствуя этой тупой боли, предвещающей что-то плохое, и жить спокойно дальше.

Я как раз подключался к Интернету, когда Дэв воскликнул:

– Ага! Я нашел ее, Джейс. Целая бутылка «Ежиновки»! Ежевичное бренди. Как насчет того, чтобы до утра пить и играть в «Золотой глаз»?

Но я его не слушал. Даже не слышал толком. Сейчас я могу только догадываться, что именно он говорил. Он мог бить вазы и петь расистские песни собственного сочинения, но я был поражен тем, что увидел на экране.

На этот раз это было всего одно слово.

Но я чувствовал себя так, как будто меня избили, растоптали мою надежду и посмеялись над всем, чем я дорожил.

– Джейс? – окликнул меня Дэв. – Кем будешь играть? Джеймсом Бондом или Натальей?

Но я даже не посмотрел в его сторону.

Глаза щипало от слез, и я чувствовал, как все волоски у меня на теле встали дыбом. Предо мной все еще стояли слова «Сара Беннет...» и еще одно чудовищное, мерзкое слово.